

Демидович С. В. (Минск, Республика Беларусь)

О НЕКОТОРЫХ РУССКО-БЕЛОРУССКИХ СООТВЕТСТВИЯХ
В ЛСГ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
СО ЗНАЧЕНИЕМ "ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА"

Близкородственные русский и белорусский языки (далее по тексту — РЯ и БЯ) представляют особый интерес для сопоставительного исследования. Покажем это на примере некоторых прилагательных, входящих в РЯ и БЯ в ЛСГ со значением "внешность человека".

Большинство русско-белорусских соответствий данной ЛСГ являются омосемантами. Однако между лексемами могут устанавливаться и парасемантические отношения: а) включения семантики (*жёсткий* — *шорсткі*); б) пересечения семантики (*бухматы* — *пушистый* и *мохнатый*); в) основанные на различии в стилистической окраске (*чахлый* (разг.) — *чахлы, чэзлы, змарнелы*); г) основанные на различии внутренней формы: *пепельно-землистое лицо* — *шэра-зялісты твар*. В данной ЛСГ зафиксированы также примеры вербальных лакун и факты "отсутствия возврата" к исходной русской лексеме (*невменяемый* — 1. 'раздражённый, не владеющий собой' — *непрытомны* — *обморочный, бессознательный*; 2. 'находящийся в таком психическом состоянии, при котором нельзя вменить проступок, преступление' — *у стане поўнай адсутнасці памяці*).

Для данной ЛСГ, согласно "Русско-белорусскому словарю" (1994), "Словарю эпитетов русского литературного языка" (1979), "Слоўніку эпітэтаў беларускай мовы" (1998), характерно количественное несовпадение лексем РЯ и БЯ. Причины данного явления мы видим в следующем. 1) Каждое из значений русского прилагательного-полисеманта переводится на белорусский язык отдельной лексемой: *видный* — *значны, важны* 'значительный, важный', *статны, станісты* 'статный', *самавіты, наважны* 'осанистый'. 2) В качестве эквивалентов в

БЯ могут быть предложены а) равноправные лексические синонимы (*неаккуратный* — *неакуратны, неахайны, нядбайны*); б) семантические синонимы, причем одни из них — лексемы, однокоренные с соответствующими русскими прилагательными, другие указывают на одну из наиболее важных сем в значении (*роскошный* — *раскошны, багаты; обаятельный* — *абаяльны, чароўны, прывабны*), в) словообразовательные синонимы (*дряхлый* — *лядачы, лядашчы; ободранный* — *аблуплены, абадраны, паабдзіраны, пааблупліваны*), причём от наличия или отсутствия словообразовательного форманта может зависеть валентность лексем (*холеный* (человек, лицо, руки) — *пешчаны, пелегаваны, выпешчаны, выпелегаваны, дагледжаны* (чалавек толькі дагледжаны, рукі толькі выпешчаныя альбо выпелегаваныя)); г) синонимы, отличающиеся семой, указывающей на степень градации данного семантического признака (*дряхлый* — *драхлы, лядачы, лядашчы, стары*); д) синонимы, различающиеся "сигнификативным и синтагматическим значением плана содержания" [3;182], например: *мурзаты* (разм.), *запэцканы* (нейтр.), *брудны* (нейтр.) — *чумазый*; *мурзаты* — *чалавек, твар*; *запэцканы, брудны* - *твар*; *чумазый* — *человек*. 3) Количественное несовпадение может объясняться и "векторными соответствиями" [1;14] лексем РЯ и БЯ, при которых адекватно значение русского прилагательного может быть выражено с учетом суммы значений белорусского прилагательного (*немошный* 'слабый, больной' — *нядужы, слабы, хворы; царственный* 'величественный, горделивый и величавый' — *велічны, вялікасны, ганарлівы*). 4) В речи используется больше метафорических эпитетов РЯ. Это можно объяснить а) сугубо лингвистическими причинами: грамматическими или лексико-фонетическими. Например, в БЯ эквивалентом русского прилагательного *цветущее* (лицо), образованного в результате употребления соответствующего причастия в переносно-

образном значении, не является лексема *квітнеючы*, так как она не имеет переносного значения и обозначает только процессуальный признак (*квітнеючы сад*). Ненужной омонимией или неблагозвучностью слова объясняется, например, отсутствие потенциально возможных эпитетов **паперны*, **папяровы*, **мучны твар*. б) Количественное несовпадение метафорических эпитетов в двух языках можно объяснить и национальной спецификой: различием в культурологической базе носителей РЯ и БЯ (например, в РЯ "для обозначения бледности лица используются прилагательные с семой 'страшный' на основе сравнения белый, как смерть" [2;56]: *мертвенно-жёлтое*, *мёртво-бледное*, *мёртвое*, *полумёртвое*, *помертвелое лицо*; таких прилагательных нет в БЯ); географической спецификой (*рысьи*, *моржовые*, *оленьи*, *тюленьи глаза*; *соболиные брови*; *кашлатые*, *купчастые брови*); историческим взаимодействием с другими народами (*калмыцкие*, *монгольские*, *татарские*, *черкесские глаза*).

Таким образом, все возможные типы формально-семантических отношений между номинативными единицами двух языков, особенно количественное несовпадение лексем РЯ и БЯ, отсутствие эквивалентов-омосемантов, наличие вербальных лакун, подчёркивает самобытность обоих сопоставляемых языков при значительной общности их лексических единиц.

1. Гайсина Р.М. Сопоставительное описание лексических полей: Учеб. пособие по спецкурсу. — Уфа, 1990
2. Конюшкевич М.И. Компаративно-ассоциативное поле как единица сопоставительного анализа // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови: Матер. 7 міжнар. Карських читань. 13 — 14 травня 1998 р. Ніжін — Гродна. — Ніжін, 1998
3. Мечковская Н.Б., Норман Б.Ю., Плотников Б.А., Супрун А.Е. Общее языкознание. — Мн, 1983